

Научная статья
УДК 82.09(075.8)
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-3-21-65
EDN JNXIEZ

**Художественная реализация мотива семейного воспитания
в повести А. Я. Панаевой «Семейство Тальниковых»**

Наталья Владимировна Лукьянчикова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
г. Ярославль
lunavl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8995-4016>

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа одного из важных аспектов автобиографической повести А. Я. Панаевой «Семейство Тальниковых», связанного с художественной реализацией мотива семьи и семейного воспитания в русской литературе. Традиционно в произведениях русских классиков XIX века о детстве и семейном воспитании изображается идиллическая атмосфера семейного гнезда, формирующая личность ребенка. Анализ произведения А. Я. Панаевой позволяет понять, каким образом и с какой целью писательница актуализирует тяжелые детские воспоминания в пространстве художественного текста, обозначить специфику изображения гнетущей атмосферы семьи в повести «Семейство Тальниковых». В данном произведении образ детства представлен в нетрадиционном для русской автобиографической прозы XIX века аспекте: детство показано как время жестокости и насилия, когда ребенок находится в полной зависимости от деспотичных родителей. В центре внимания А. Я. Панаевой – трагедия подрастающего человека, ставшего жертвой взрослых – бездушных и эгоистичных людей, человека, для которого родной дом становится тюрьмой. Автор статьи рассматривает различия в подходе к изображению семьи, родителей, воспитания детей в мемуарном произведении («Воспоминания») и автобиографической повести. Важным представляется то, что в повести «Семейство Тальниковых» трансформируется изображение традиционной для русской автобиографической повести триады «родители – няня (дядька) – учитель (гувернантка)». В автобиографическом произведении А. Я. Панаевой среди взрослых, чье влияние на ребенка должно быть наиболее значительным, нет никого, кто стал бы для юного человека поддержкой, наставником, добрым примером.

Ключевые слова: автобиографическая повесть; автобиографизм; творчество А. Я. Панаевой; мотивная структура; мотив семьи; мотив воспитания; мемуары; прототипизм

Для цитирования: Лукьянчикова Н. В. Художественная реализация мотива семейного воспитания в повести А. Я. Панаевой «Семейство Тальниковых» //

Original article

**Realization of the family upbringing motif
in A. Ya. Panayeva's story The Talnikov Family**

Natalia V. Lukyanchikova

Candidate of philological sciences, associate professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
luнавl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8995-4016>

Abstract. The article attempts at analyzing an important aspect of A. Ya. Panayeva's autobiographical story *The Talnikov Family* connected with realizing the motif of family and family upbringing in Russian literature. Traditionally, the works of the XIX century Russian classics about childhood and family upbringing depict the idyllic atmosphere in the family forming the child's personality. The analysis of A. Ya. Panayeva's work helps to understand how and why the writer actualizes painful childhood memories within the literary text, to outline the specifics of depicting the oppressive family atmosphere in the story *The Talnikov Family*. This work presents the idea of childhood in an aspect that is unconventional for Russian autobiographical prose of the 19th century: here childhood is shown as a time of cruelty and violence, when the child is completely dependent on the despotic parents. The focus of A. Ya. Panayeva's attention is the tragedy of a growing up person who has become a victim of soulless and selfish adults, a person whose family home becomes a prison. The author of the article examines the differences in the approach to portraying the family, parents and upbringing of children in the memoir "Memories" and the autobiographical novel. It seems important that the story *The Talnikov Family* transforms the image of the triad "parents – nanny (uncle) – teacher (governess)" traditional for the Russian autobiographical story. In A. Ya. Panayeva's autobiographical story, there is no adult who could be a support, a mentor, a good example for a young person and whose influence on the child should be the most significant.

Key words: autobiographical story; autobiographism; A. Ya. Panayeva's work; motive structure; motive of family; motive of upbringing; memoirs; prototypism

For citation: Lukyanchikova N. V. Realization of the family upbringing motif in A. Ya. Panayeva's story *The Talnikov Family*. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 3(21): 65-79. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-3-21-65>. <https://elibrary.ru/JNXIEZ>.

Введение

В русской классической литературе проблемы семьи и семейного воспитания часто становились предметом художественного изоб-

ражения. Взаимоотношения между родителями и детьми, семейные конфликты и их преодоление, воспитание ребенка, нелегкий путь взросления и другие вопросы нахо-

дились в центре внимания как писателей XIX, так и авторов XX века. Наиболее ярко процесс становления личности ребенка, подростка реализуется в автобиографических произведениях, в которых автор встраивает собственное жизнеописание в пространство художественного текста. Среди автобиографических повестей о детстве, к которым обращено самое серьезное внимание не только читателей, но и литературоведов, необходимо упомянуть такие шедевры XIX века, как трилогия Л. Н. Толстого «Детство» (1852), «Отрочество» (1854), «Юность» (1857), роман С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова внука» (1854–1856), части автобиографической тетралогии Н. Г. Гарина-Михайловского «Детство Темы» (1892), «Гимназисты» (1895). К проблемам детства и семейного воспитания неоднократно обращались в своем творчестве и женщины-писательницы (упомянем повести Евгении Тур «Семейство Шалонских (Из семейной хроники)» (1880), С. В. Ковалевской «Воспоминания детства» (1890) и др.). В XX веке интерес писателей к указанной проблематике не угасает (М. Горький «Детство» (1912 – 1913), А. Н. Толстой «Детство Никиты» (1920), И. С. Шмелев «Лето Господне» (1927 – 1948) и др.). Проблемы воспитания, формирования личности ребенка и особенности ее художественного воплощения в русской литературе находятся в центре внимания современных

литературоведов (см., например, труды Л. Н. Савиной [Савина, 2018], Н. И. Николаева и Л. Ю. Шестаковой [Николаев, 2021]).

Особое место среди автобиографических произведений XIX века, поднимающих тему семейного воспитания, изображающих конфликт между родителями и детьми, занимает повесть А. Я. Панаевой «Семейство Тальниковых» (1847). Авдотья Яковлевна Панаева (1820–1893) – автор ряда произведений, посвященных судьбе женщины, ее роли в общественной жизни XIX века. Перу А. Я. Панаевой принадлежат повести «Безобразный муж», «Степная барышня», «Домашний ад», роман «Женская доля» и другие; она автор интереснейших мемуаров, в которых отражена атмосфера литературных и – шире – творческих кругов эпохи. Повесть «Семейство Тальниковых (Записки, найденные в бумагах покойницы)» под псевдонимом Н. Станицкий была опубликована Н. А. Некрасовым в «Иллюстрированном альманахе» (1848) и запрещена цензурой, увидевшей в произведении «безнравственность и подрыв родительской власти» [Чуковский, 1928, с. 97]. Одно из ярких произведений автобиографической прозы, в котором была заявлена тема трагедии детства, несвободы в семье, домашней жестокости, стало доступно широкому читателю уже в XX веке (в издании, предпринятом К. И. Чуковским).

Методология исследования

Феномен автобиографической прозы в последнее десятилетие находится в центре внимания исследователей, о чем свидетельствует появление серьезных литературоведческих работ, в которых рассматривается автобиографизм в различных ракурсах (например, труды Е. М. Болдыревой). Проблема художественной реализации образов ребенка, мотива семейного воспитания также является актуальной в литературоведческой науке (труды Е. С. Седашовой, И. Б. Ничипорова, О. В. Резник). В последние десятилетия интерес к прозе А. Я. Панаевой (в том числе – к автобиографической прозе) растет, но при этом литературоведческих работ, посвященных ее творчеству, в современном литературоведении немного. Так наиболее полное исследование биографии (на основе архивных материалов) и творческого пути А. Я. Панаевой представлено в работах У. М. Долгих [Долгих, 1976]. Исследование С. В. Татаркиной посвящено гендерному аспекту творчества А. Я. Панаевой, литературовед рассматривает различные варианты жизненного сценария женщины, реализованные в произведениях А. Я. Панаевой [Татаркина, 2002]. Проза А. Я. Панаевой с точки зрения ее включенности «в самую актуальную литературно-политическую повестку» [Успенский, 2023, с. 223] журнала «Современник» рассматривается в ста-

тье П. Ф. Успенского и А. С. Федотова. Раннему творчеству А. Панаевой (в том числе – «Семейству Тальниковых») посвящено исследование А. В. Святославского, указавшего, что проза Панаевой наметила важные для современной ей литературы проблемы [Святославский, 2020]. Повесть «Семейство Тальниковых» становилась предметом интереса литературоведов в аспекте изучения автобиографических мотивов (У. М. Долгих) [Долгих, 1976], специфики хронотопа (О. А. Куянцева) [Куянцева, 2013], особенностей сюжетно-композиционной организации [Шпилевая, 2021], в компаративном аспекте (Е. И. Самородницкая, Е. С. Горшкова) [Самородницкая, 2021; Горшкова, 2019], в изучении мотивной структуры (Н. В. Лукьянчикова) [Лукьянчикова, 2020].

Результаты исследования и их обсуждение

Литературоведы, изучавшие специфику изображения детства, семьи в произведениях русской классической литературы XIX – XX веков, неоднократно отмечали, что детство в автобиографических повестях и романах многими авторами мыслится как идиллический мир, рай, благословенное время, когда человек находится в гармонии с собой и окружающими [Николаев, 2021]. Естественно, что в жизни ребенка происходят не только радостные события (например, Николенька Иртеньев в повести Л. Н. Толстого переживает из-за

конфликта с учителем Карлом Ивановичем, обижается на Наталью Савишну и т. д.), но утрата детства и разрушение этого счастливого мира соотносится с каким-то по-настоящему трагическим событием (смерть матери). В то же время необходимо отметить среди автобиографических произведений о детстве ряд таких, в которых существование ребенка в семье изначально не является идиллическим, ощущение несвободы, жестокости, подавления свойственно автобиографическому герою на протяжении всего повествования («свинцовые мерзости» жизни не только общественной, но и домашней изображает, например, М. Горький в повести «Детство»). Повесть А. Я. Панаевой показывает семью бесконечно далекую от идиллии, напоминающую не о «потерянном рае», гнезде, которое не хочется покидать, а об «аде», тюрьме, кладбище. Если в автобиографических повестях о детстве и воспитании в семье утрата близкого является трагедией, ведущей к утрате детского восприятия мира, к взрослению, то в «Семействе Тальниковых» мотив смерти является одним из ключевых, утраты сопровождают героиню постоянно. Полагаем, что с повестью «Семейство Тальниковых» обязательно нужно знакомить всех готовящихся к работе с детьми, так как это произведение, изображающее мир семьи, в которой к детям относятся жестоко, где дети страдают от боли, страха,

одиночества, морального насилия со стороны взрослых, пробуждает у читателей сочувствие, сострадание, учит понимать, что может произойти с ребенком, растущим в небедной семье, среди множества, на первый взгляд, близких людей.

Прототипизм, по мнению ряда исследователей произведений А. Я. Панаевой (П. Ф. Успенский, А. С. Федотов), является одной из специфических особенностей творчества писательницы («Прототипизм Панаевой тотально определяет ее письмо и в этом плане отличает ее от других литераторов» [Успенский, 2023, с. 211]), черты многих ярких представителей эпохи, с которыми была знакома Панаева, отчетливо видятся в образах персонажей ее повестей и романов (например, в некоторых героях романа «Женская доля» угадываются черты В. Г. Белинского, В. П. Боткина, Н. А. Добролюбова, а в героях романа «Мелочи жизни» – черты И. И. Панаева и Н. П. Огарева). Образы видных писателей, критиков, актеров были воспроизведены А. Я. Панаевой не только в беллетристических произведениях, но и в знаменитых мемуарах – «Воспоминаниях» (1889), являющихся, безусловно, значимым документом эпохи (несмотря на обвинения, звучавшие в адрес мемуаристики, в недостоверности, субъективности, да и просто забывчивости). Родители Панаевой Я. Г. Григорьев (псевдоним – Брянский) и А. М. Степанова – актеры Александринского те-

атра – выведены писательницей и в повести «Семейство Тальниковых», и в «Воспоминаниях». При этом необходимо отметить, что в нехудожественном произведении Панаева упоминает об отце и матери (особенно о матери) достаточно сдержанно, приглушая эмоции. Жесткость, а порой и злобность отца, равнодушные матери, ее склонность к сплетням и интригам, любовь к азартным играм упоминаются в мемуарах, но внимание акцентируется на положении родителей в театральном мире, их влиянии (преимущественно, когда речь идет о Якове Брянском). Кроме того, в «Воспоминаниях» отец представлен и как человек чрезвычайно смелый (мемуаристка рассказывает о спасении утопающих во время наводнения), с чувством собственного достоинства (о чем свидетельствует сообщение о конфликте с директором Императорских театров П. И. Тюфякиным), бескорыстный и щедрый (упоминание о помощи молодым нуждающимся актерам). В повести же «Семейство Тальниковых» отец (музыкант) показан как настоящий тиран и садист, неестественно жестоко относящийся к своим детям, мать – бессердечная эгоистка, для которой дети – обуза. Естественно, художественный текст предоставляет автору куда большую свободу в изображении персонажей, нежели «Воспоминания», позволяет усилить эмоциональное воздействие на читателей за счет гиперболизации отрица-

тельных качеств героев, многочисленности ситуаций, показывающих, как страдают дети в доме Тальниковых. Однако, думается, что в повести реальность отражена более достоверно, нежели в «Воспоминаниях», где перед А. Я. Панаевой стояла задача рассказать о родителях прежде всего как о представителях театрального мира современного им Петербурга. Свидетельства окружавших А. Я. Панаеву людей (Валериан Панаев, Н. А. Некрасов и др.) говорят о том, что жизнь ее в родительском доме была тяжелой. Мучительные воспоминания о жизни в семье приводят А. Я. Панаеву к замыслу показать ужасы собственного детства и юности в художественном произведении. Хотя среди современников, несмотря на цензурный запрет, знакомых с содержанием «Семейства Тальниковых», далеко не все одобряли молодую писательницу (так поэт Н. Ф. Щербина саркастически высказывался в своем «Альбоме ипохондрика»: «Станицкого (Авдотью) во сне видеть предвещает отца и мать в грязь втоптать – лишь бы только плохую повестушку написать...» [Щербина, 1929, с. 148]), у Панаевой оказалось достаточно творческой смелости, чтобы представить в повести не традиционную модель семейного воспитания и формирования личности ребенка, а трагическую историю загубленного детства.

Повесть «Семейство Тальниковых» имеет подзаголовок «Записки,

найденные в бумагах покойницы» и выстроена как воспоминания девушки, которую зовут Наталья, о жизни в родительском семействе, о том воспитании, которое получили рассказчица и ее многочисленные сестры и братья. Семейство Тальниковых чрезвычайно велико: героями воспоминаний Натальи становятся родители, братья и сестры, родственники, упоминаются гувернантка, прислуга, соседи. Семейство Тальниковых – густонаселенный мир (рассказчица упоминает, что в доме, помимо родителей и детей, «жило много родных: две сестры матери, сестра и мать отца» [Панаева, 1928, с. 104]), который организован хаотично, неупорядоченно. Но главное – в этом мире, к сожалению, нет любви, заботы друг о друге, доброты: «Мать <...> мало занималась нами, зато мы мало от нее и терпели; но свирепость, в которую иногда впадал отец, была для нас слишком ощутительна» [Панаева, 1928, с. 105]. Необходимо отметить, что в произведении писательница приступает к изображению горестной жизни детей и жестокости взрослых сразу, читателю не предоставляется возможность как-то эмоционально подготовиться к тем шокирующим подробностям существования в доме Тальниковых, о которых вспоминает Наталья (уже в первой главе рассказчица представит во всем своем ужасе сцену избиения разъяренным отцом своих маленьких детей («Мы были окровавлены» [Панаева, 1928,

с. 106]), затем расскажет о том, что и между детьми порой происходили конфликты, заканчивавшиеся «ударами в лицо», упомянет, что и «милой» тетушке «доставляло особенное удовольствие наказывать меня» [Панаева, 1928, с. 108]).

В отличие от того, как изображают семейное воспитание в автобиографических произведениях современники А. Я. Панаевой, автор «Семейства Тальниковых» показывает детство как период, когда ребенок полностью подчинен деспотизму родителей. Единственный взрослый, о котором Наталья вспоминает без страха, неприязни, испытывая сочувствие, – это бабушка («Бабушку мы очень любили, потому что она нас баловала...» [Панаева А., 1928, с. 104]), поэтому смерть бабушки становится для рассказчицы настоящим горем. Безусловно, необходимо отметить, что в автобиографических произведениях русских писателей, которые изображают детство как «рай», «идиллию», а родной дом как гнездо, которое не хочется покидать, обязательны эпизоды, рисующие печальные или неприятные события и переживания (например, Николенька Иртенев («Детство» Л. Н. Толстого), помимо, разумеется, сильнейших чувств, связанных с болезнью, а затем смертью мамочки, испытывает злость на учителя, обижается на экономку Наталью Савишну, расстраивается из-за высокомерия Сережи Ивина, впоследствии стыдится из-за презрительно-

го отношения к Илиньке Грапу). Но при этом светлые воспоминания преобладают над мрачными, семья, дом остаются для автобиографического героя местом, где он познает любовь, где формируется его душа. Напротив, в повести А. Я. Панаевой «Семейство Тальниковых» дом изображен исключительно в мрачных тонах, становится олицетворением жестокости, равнодушия. В сознании рассказчицы родительский дом соединяется с образами тюрьмы, могилы.

Начиная с XVIII века в произведениях русской литературы, рассматривающих проблему (и процесс) воспитания, можно наблюдать наличие своеобразной «триады» участников этого процесса – взрослых, оказывающих влияние на формирование личности ребенка. В эту триаду входят, в первую очередь, родители – главные люди в жизни юного человека, затем няня (или дядька) – простой человек, приносящий в процесс воспитания ребенка народность, естественность, доброту, и наконец, учитель (гувернантка) – образованный человек, ведущий своего воспитанника в мир цивилизации, просвещения. В зависимости от того, каковы эти воспитатели, насколько они гуманны, мудры, терпеливы, ребенок чувствует или не чувствует себя счастливым. Одну из наиболее ярких художественных реализаций такой триады можно видеть в комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» (родители (мать,

обожающая своего ребенка, и бессловесный отец) – няня Еремеевна (готова вцепиться в каждого, кто обидит уже великовозрастного воспитанника) – учителя (Д. И. Фонвизин представляет разные типы: от совестливого, стремящегося хоть чему-то научить Цыфиркина до нахального и совершенно непросвещенного Вральмана). В произведениях XIX века о детстве (в особенности, в автобиографических повестях и романах) наблюдаем, какую роль в становлении личности юного героя, в формировании мира вокруг него играют родители, няня, учителя.

В повести «Семейство Тальниковых» атмосферу несвободы, недоверия, страха создают прежде всего родители. Наталья подчеркивает, что мать – Марья Петровна – внешне выглядит довольно привлекательной, заботится о своей внешности, но при этом одевает дочерей в лохмотья, видит в подрастающих девочках своих соперниц. Дети для Марьи Петровны – обуза, лишние рты, мать стремится как можно реже их видеть, поэтому в доме Тальниковых пространство родителей отделено от пространства детей. Отец (в повести указано только его имя – Андрей) – музыкант, чья жизнь протекает по большей части вне дома. Его появление в доме по-настоящему опасно для детей («В минуты своей раздражительности он колотил всех встречных и ло-

мал все, что попадалось ему под руку» [Панаева, 1928, с. 104]). В русской литературе XIX века трудно найти подобного садиста по отношению к своим близким. Тальниковых-родителей даже смерть ребенка не способна заставить искренне переживать. Повесть начинается с изображения одного из сильнейших горестных воспоминаний рассказчицы – смерти одной из ее младших сестер («В комнате, освещенной нагорелой свечой, омывали тело умершей – шестимесячной моей сестры. Ее глаза с тусклым и неподвижным взором наводили на меня ужас» [Панаева, 1928, с. 103]). Однако родители не разделяют переживаний героини, они проявляют абсолютное равнодушие к смерти собственного ребенка: «ни отец мой, ни мать не плакали» [Панаева, 1928, с. 103]). Подобное отношение к ребенку в данном эпизоде и в последующих свидетельствует о неестественности атмосферы в семье Тальниковых.

Рассказчица подробно говорит о бесчеловечных условиях существования в семье детей, лишенных родительской любви, внимания. Система воспитания в доме Тальниковых напоминает тюрьму, приют, казарму, но только не жизнь в любящей семье. С воспитанием у родителей Тальниковых связано прежде всего насилие над детьми: побои («Прочь! Надоели! Выдеру уши!» [Панаева, 1928, с. 106]), унижения, голод (так, Ната-

лю часто оставляют без обеда и без ужина, строго наказывая брата, посмеявшегося принести сестре еды). Обращает на себя внимание то, что в семействе жестокость по отношению к детям начинают проявлять не только родители, но и тетушки, которые сами вынуждены порой терпеть несправедливость от хозяев дома.

Далее Наташа вспоминает, что, когда умерла ее маленькая сестренка, плакала только кормилица – и читатель готов вздохнуть с облегчением: вот он – простой человек с добрым сердцем, для которого смерть дитяти – настоящее горе. Однако рассказчица уточняет, что кормилица плачет не из-за жалости к умершему ребенку, ее печалит, что «золоченого повойника и шубы», которых лишилась из-за ранней кончины младенца, она не получит («погоди она [девочка] умирать пять, шесть месяцев, дело кормилицы было бы кончено, и обещанная награда не ушла бы от ее рук» [Панаева, 1928, с. 104]). Это воспоминание рассказчицы производит на читателя страшное впечатление, получается, что гнетущая атмосфера дома Тальниковых и второго члена рассматриваемой «триады» (кормилицу, нянюшку) трансформирует в чудовище, думающее лишь о материальном вознаграждении. Далее Наталья упомянет, что «умерло и было схоронено три сестры и один брат» [Панаева, 1928, с. 126], сообщит о смерти любимой бабуш-

ки, о гибели старшего брата Миши, который отправился на войну на Кавказ, чтобы только быть подальше от ненавистного родительского дома, о самоубийстве помещавшегося дядюшки. Еще раз отметим, что название повести сопровождается мрачным подзаголовком «Записки, найденные в бумагах покойницы». Таким образом, дом-тюрьма превращается в дом-кладбище.

Моменты, когда взрослые обращают внимание на детей, решают заняться ими, становятся для маленьких страдальцев еще более горестными, нежели те, когда на них не смотрят, не пускают в родительские комнаты. С ужасом Наталья вспоминает, как мать заставляет ее учиться читать: «Чтение началось; за каждую ошибку я получала толчок то в голову, то в спину» [Панаева, 1928, с. 119]).

С особой болью рассказчица вспоминает момент, когда в семье появилась гувернантка. Образы гувернеров, домашних учителей в произведениях литературы XVIII – XIX веков весьма разнообразны (среди них встречаются лжеучителя – Вральманы и Бопре, пьяницы и невежды, но есть и добрейшие Карлы Иванычи, искренне относящиеся к своим воспитанникам), однако монстра, подобного гувернантке Тальниковых в русской литературе еще поискать. Само ее появление в доме не предвещает детям ничего хорошего, так как этой девице недавно отказала зна-

комая Тальниковых за жестокость по отношению к детям. Действительно, гувернантка представляется настоящей садисткой: «уши бедных малюток были всегда в крови; она нарочно отрачивала себе средний ноготь и стригла его остроконечно, чтобы невинное наказание было чувствительней» [Панаева, 1928, с. 120]. Внешность гувернантки, ее манеры вызывают у детей отвращение и ужас, а воспитание заключается прежде всего в наказании, жестокой расправе над правыми и виноватыми. Таким образом, и третий член триады становится для детей тираном, лишаящим радости, приносящим только боль и унижения.

Особенно детей мучает отсутствие в их жизни свободы, нормального дружеского общения, прогулок, игр. Братья и сестры Наташи буквально заперты в детской, рассказчица подчеркивает, что дети Тальниковых почти никогда не бывают вне дома. Одним из немногих отрадных моментов в жизни юных Тальниковых становится день, когда «рыжая» гувернантка принимает решение покинуть надоевшее ей семейство.

Настоящей бедой для Феди – брата рассказчицы – становится решение родителей отдать его в учение к дядюшке. Вместо желанного освобождения от тяжелой атмосферы дома Тальниковых Федор попадает в еще более страшную обстановку дома дядюшки. «Палач», как называет дядюшку рас-

сказчица, издевается над племянником, беспощадно сечет его, доводя несчастного мальчика до помешательства.

В традиционной для произведений отечественной литературы XIX века триаде, включающей родителей (отца, мать) – нянюшку (кормилицу, дядьку) – гувернантку (домашнего учителя), реализованной А. Я. Панаевой в повести «Семейство Тальниковых», нет ни одного взрослого человека, который стал бы для детей опорой, примером, другом, любящим сердцем. Поэтому неудивительно стремление детей Тальниковых вырваться из стен этого дома, ставшего для них тюрьмой. Но «семейство Тальниковых» не отпускает детей-жертв: мы упоминали, что для братьев и сестер Натальи возможен один путь – в могилу. Однако и те дети, которые не умерли в детстве, несчастны, дом остается для них местом, стесняющим свободу.

Библиографический список

1. Болдырева Е. М. Автобиографизм и автобиография: самоконструирование и семиотизация субъекта // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 4. С. 242–251.
2. Горшкова Е. С. Автобиографизм повести А. Я. Панаевой «Семейство Тальниковых» и Л. Н. Толстого «Детство» // Человек в информационном пространстве: сборник научных статей. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. С. 36–40.
3. Долгих У. М. Автобиографические мотивы в повести А. Я. Панаевой «Семейство Тальниковых» // XXVIII Герценовские чтения. Литературоведение: Научные доклады. Ленинград : ЛГПИ, 1976. С. 21–25.
4. Куянцева О. А. Специфика хронотопа в повести А. Я. Панаевой «Семейство Тальниковых» // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2013. № 10 (88). URL: <http://jurnal.org/articles/2013/fill32.html> (дата обращения: 26.08.2024).
5. Лукьянчикова Н. В. Пространство дома в повести А. Я. Панаевой «Семейство Тальниковых» // Буслаевские чтения: сб. науч. статей по

Заключение

Говоря о воспитании в «Семействе Тальниковых», К. И. Чуковский не случайно назвал его «уродливым», «варварским». А. Я. Панаевой важно показать, как влияет удушающая атмосфера нелюбящей семьи на ребенка, делает его жизнь трагической.

Таким образом, повесть А. Я. Панаевой «Семейство Тальниковых» является интереснейшим художественным произведением, в котором по-новому представлена модель семейного воспитания, произведением, обвиняющим окружение, не дающее ребенку чувствовать себя счастливым. Полагаем, что книга писательницы XIX века обязательно должна войти в круг чтения педагогов и студентов – будущих педагогов – как произведение, позволяющее познакомиться с яркой художественной реализацией трагедии детства.

материалам VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Пенза : Пензенский государственный университет, 2020. С. 35–41.

6. Лукьянчикова Н. В. «Ты под своим родимым кровом врагов озлобленных наша...»: мотив семьи в повести А. Я. Панаевой «Семейство Тальниковых» // «Нежданный, как цветок над бездной, очаг семейный и уют...»: семейный дискурс русской и мировой литературы / под науч. ред. Е. М. Болдыревой. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. С. 101–110.

7. Николаев Н. И. Детство в русских литературных представлениях XVIII–XIX столетий / Н. И. Николаев, Е. Ю. Шестакова. Москва : Флинта, 2021. 160 с.

8. Ничипоров И. Б. Детство как травма в современной русской литературе (повесть Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом») // Art Logos. 2019. № 1 (6). С. 47–52.

9. Новокрещенных Е. Г. Языковые особенности автобиографического текста: автобиографическая проза А. А. Фета, Я. П. Полонского, А. А. Григорьева // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. 2019. № 3. С. 133–136.

10. Панаева А. Семейство Тальниковых. Ленинград : АCADEMIA, 1928. 279 с.

11. Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. Москва : Правда, 1986. 529 с.

12. Резник О. В. «Мысль семейная» как жанрообразующая категория в эпическом наследии Марины Степновой (на примере романа «Сад») // Наследие веков. 2021. № 4 (28). С. 79–84.

13. Савина Л. Н. Пространство детства и способы его репрезентации в автобиографических произведениях второй половины XIX века / С. В. Перевалова, Л. Н. Савина, Н. Е. Тропкина // Пространство детства в русской литературе XIX – начала XXI века : монография. Волгоград : Перемена, 2018. С. 4–69.

14. Самородническая Е. И. Мотив детства в компаративном аспекте: «Семейство Тальниковых» А. Я. Панаевой // Некрасов в XXI веке: материалы Международного научного конгресса. Ярославль : Академия-76, 2021. С. 128–134.

15. Святославский А. В. Семейная тема в прозе Авдотьи Панаевой 1840-х – 50-х годов // Сборник материалов XX Свято-Троицких ежегодных международных академических чтения в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург : Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2020. С. 231–238.

16. Седашова Е. С. Жанр семейной саги в современной отечественной прозе // Символ науки. 2021. № 5. С. 81–82.

17. Татаркина С. В. Диалог «женского» и «мужского» в жанровой структуре прозы А. Я. Панаевой // Проблемы литературных жанров: материалы X Международной научной конференции, посвященной 400-летию г. Томска. Ч. 1. Томск : Изд-во Национального исследовательского Томского государственного университета, 2002. С. 219–224.

18. Успенский П. Ф. Быть женщиной в «Современнике»: поэзия и правда в беллетристике Авдотьи Панаевой / П. Ф. Успенский, А. С. Федотов // Новое литературное обозрение. 2023. Т. 181, № 3. С. 205–225.

19. Чуковский К. Некрасов и Авдотья Панаева // Панаева А. Я. Семейство Тальниковых. Ленинград : Academia, 1928. С. 3-96.

20. Шестакова Е. Ю. Особенности художественного воплощения темы детства в повести Н. Г. Гарина-Михайловского «Детство Темы» // Вестник Удмуртского университета. 2024. Т. 34, Вып. 2. С. 489–496.

21. Шпилева Г. А. «Семейство Тальниковых» А. Я. Панаевой: аспекты поэтики и проблематики повести // Некрасов в XXI веке: материалы Международного научного конгресса. Ярославль : Академия 76, 2021. С. 166–173.

22. Щербина Н. Ф. Альбом ипохондрика. Эпиграммы и сатиры. Ленинград : Прибой, 1929. 216 с.

Reference list

1. Boldyreva E. M. Avtobiografizm i avtobiografija: samokonstruirovanie i semio-tizacija sub#ekta = Autobiographism and autobiography: self-construction and semio-tization of the subject // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2017. № 4. S. 242 – 251.

2. Gorshkova E. S. Avtobiografizm povesti A. Ja. Panaevoj «Semejstvo Tal'nikovyh» i L. N. Tolstogo «Detstvo» = Autobiographism of A. Y. Panayeva's story The Talnikov Family and L. N. Tolstoy's Childhood // Chelovek v informacionnom prostranstve: sbornik nauchnyh statej. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2019. S. 36–40.

3. Dolgih U. M. Avtobiograficheskie motivy v povesti A. Ja. Panaevoj «Semejstvo Tal'nikovyh» = Autobiographical motifs in A. Y. Panayeva's story The Talnikov Family // XXVIII Gercenovskie chtenija. Literaturovedenie: Nauchnye doklady. Lenin-grad : LGPI, 1976. S. 21–25.

4. Kujanceva O. A. Specifika hronotopa v povesti A. Ja. Panaevoj «Semejstvo Tal'nikovyh» = The specifics of the chronotope in A. Y. Panayeva's story The Talnikov Family // Zhurnal nauchnyh publikacij aspirantov i doktorantov. 2013. № 10 (88). URL: <http://jurnal.org/articles/2013/fill32.html> (data obrashhenija: 26.08.2024).

5. Luk'janchikova N. V. Prostranstvo doma v povesti A. Ja. Panaevoj «Semejstvo Tal'nikovyh» = The space of home in A. Y. Panayeva's story The Talnikov Family // Buslaevskie chtenija: sb. nauch. statej po materialam VIII Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Penza : Penzenskij gosudarstvennyj universitet, 2020. S. 35–41.

6. Luk'janchikova N. V. «Ty pod svojim rodimym krovom vragov ozloblennyh nashla...»: motiv sem'i v povesti A. Ja. Panaevoj «Semejstvo Tal'nikovyh» = “You found bitter enemies under your native roof...”: the family motif in A. Y. Panayeva's story The Talnikov Family // «Nezhdannyj, kak cvetok nad bezdnoj, ochag semejnij i ujut...»: semejnij diskurs russoj i mirovoj literatury / pod nauch. red. E. M. Boldyrevoj. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2020. S. 101–110.

7. Nikolaev N. I. Detstvo v russkih literaturnyh predstavlenijah XVIII-XIX stoletij = Childhood in Russian literary ideas of the XVIII-XIX centuries / N. I. Nikolaev, E. Ju. Shestakova. Moskva : Flinta, 2021. 160 s.

8. Nichiporov I. B. Detstvo kak travma v sovremennoj russoj literature (povest' Pavla Sanaeva «Pohoronite menja za plintusom») = Childhood as a trauma in con-

temporary Russian literature (Pavel Sanayev's story *Bury Me Behind the Baseboard*) // *Art Logos*. 2019. № 1 (6). S. 47-52.

9. Novokreshennyh E. G. Jazykovye osobennosti avtobiograficheskogo teksta: avtobiograficheskaja proza A. A. Feta, Ja. P. Polonskogo, A. A. Grigor'eva = Linguistic features of autobiographical text: autobiographical prose of A. A. Fet, Y. P. Polonsky, A. A. Grigoriyev // *Vestnik BGU. Jazyk, literatura, kul'tura*. 2019. № 3. S. 133–136.

10. Panaeva A. *Semejstvo Tal'nikovyh = The Talnikov Family*. Leningrad : ACADEMIA, 1928. 279 s.

11. Panaeva (Golovacheva) A. Ja. *Vospominanija = Memories*. Moskva : Pravda, 1986. 529 s.

12. Reznik O. V. «Mysl' semejnjaja» kak zhanroobrazujushhaja kategorija v jepicheskom nasledii Mariny Stepnovoj (na primere romana «Sad») = “Family thought” as a genre-forming category in Marina Stepnova's epic heritage (the case study of the novel *The Garden*) // *Nasledie vekov*. 2021. № 4 (28). S. 79–84.

13. Savina L. N. Prostranstvo detstva i sposoby ego reprezentacii v avtobiograficheskikh proizvedenijah vtoroj poloviny XIX veka = The space of childhood and its representation in autobiographical works of the latter part of XIX century / S. V. Perevalova, L. N. Savina, N. E. Tropkina // *Prostranstvo detstva v russkoj literature XIX – nachala XXI veka : monografija*. Volgograd : Peremena, 2018. S. 4–69.

14. Samorodnickaja E. I. Motiv detstva v komparativnom aspekte: «Semejstvo Tal'nikovyh» A. Ja. Panaevoj = The motif of childhood in comparative aspect: The Talnikov Family by A. Y. Panayeva // *Nekrasov v XXI veke: materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa*. Jaroslavl' : Akademija-76, 2021. S. 128–134.

15. Svjatoslavskij A. V. Semejnaja tema v proze Avdot'i Panaevoj 1840-h – 50-h godov = The theme of family in Avdotya Panayeva's prose in 1840s-50s // *Sbornik materialov XX Svjato-Troickih ezhegodnyh mezhdunarodnyh akademicheskikh chtenija v Sankt-Peterburge*. Sankt-Peterburg : Izd-vo Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii, 2020. S. 231–238.

16. Sedashova E. S. Zhanr semejnoj sagi v sovremennoj otechestvennoj proze = The genre of family saga in contemporary Russian prose // *Simvol nauki*. 2021. № 5. S. 81–82.

17. Tatarikina S. V. Dialog «zhenskogo» i «muzhskogo» v zhanrovoj strukture prozy A. Ja. Panaevoj = Dialogue between “feminine” and “masculine” in A. Ya. Panayeva's prose genre structure // *Problemy literaturnyh zhanrov: materialy X Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 400-letiju g. Tomska*. Ch. 1. Tomsk : Izd-vo Nacional'nogo issledovatel'skogo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2002. S. 219–224.

18. Uspenskij P. F. Byt' zhenshhinoj v «Sovremennike»: poezija i pravda v belletristike Avdot'i Panaevoj = Being a woman in “Sovremennik”: poetry and truth in Avdotya Panayeva's fiction / P. F. Uspenskij, A. S. Fedotov // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2023. T. 181, № 3. S. 205–225.

19. Chukovskij K. *Nekrasov i Avdot'ja Panaeva = Nekrasov and Avdotya Panayeva* // Panaeva A. Ja. *Semejstvo Tal'nikovyh*. Leningrad : Academia, 1928. S. 3-96.

20. Shestakova E. Ju. Osobennosti hudozhestvennogo voploshhenija temy detstva v povesti N. G. Garina-Mihajlovskogo «Detstvo Temy» = Specifics of literary expression of the childhood theme in N. G. Garin-Mikhailovsky's story Tyoma's Childhood // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2024. T. 34. Vyp. 2. S. 489–496.

21. Shpilevaja G. A. «Semejstvo Tal'nikovyh» A. Ja. Panaevoj: aspekty pojetiki i problematiki povesti = The Talnikov Family by A. Ya. Panayeva: some aspects of the poetics and problematics // Nekrasov v XXI veke: materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa. Jaroslavl' : Akademija 76, 2021. S. 166–173.

22. Shherbina N. F. Al'bom ipohondrika. Jepigrammy i satiry = The hypochondriac's album. Epigrams and satires. Leningrad : Priboj, 1929. 216 s.

Статья поступила в редакцию 16.06.2024; одобрена после рецензирования 19.07.2024; принята к публикации 20.09.2024.

The article was submitted on 16.06.2024; approved after reviewing 19.07.2024; accepted for publication on 20.09.2024